

Влад Волков

Сплетающие Тени 2:

Возрождение



Влад Волков

Сплетающие Тени 2: Возрождение

«Автор»

2026

Волков В. С.

Сплетающие Тени 2: Возрождение / В. С. Волков — «Автор»,
2026

Шаманские приключения Хосе продолжаются. И в этот раз ему предстоит многое, он будет отстаивать своё до конца...

© Волков В. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1: Возрождение	6
Глава 2: Голоса	8
Глава 3: Корни	11
Глава 4: Корневые Глубины	14
Глава 5: Кровь на корнях	17
Глава 6: Преследование	20
Глава 7: Сделка	24
Глава 8: Картографы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сплетающие Тени 2: Возрождение

Глава

Оглавление

Вот мы и сделали 2 часть про нашего великого Шамана Хосе, приятного чтения мой друг!

Глава 1: Возрождение

Хосе очнулся у кромки леса, там, где трава становилась жесткой и седой от песка, нанесенного ветром из Великой Пустоши. Он плохо помнит. Та битва дала о себе знать. В руке он сжимал горсть пепла — всё, что осталось от материального тела наставника. Точнее, от того, что Урх называл телом последние двадцать лет: спрессованный воск, пучки трав, кости мелких животных и немного глины, смешанной с водой. Голем. Голем, в котором жил дух величайшего шамана по эту сторону Срединного хребта. Теперь голем испепелился. А дух... — Ты слышишь меня? — тихо спросил 20-летний Хосе, обращаясь к пеплу. Пепел молчал. Это было самым страшным. Раньше, когда Урх злился, он насылал на Хосе кусачих духов-муравьев. Когда был доволен, в воздухе сам собой начинал пахнуть мед и поджаренный мох. Сейчас не было ничего. Воздух пах только гарью и солью. Мир духов, еще вчера кишачий голосами, тенями и сделками, стал стерильно чистым. Словно кто-то огромный и равнодушный прошелся по нему влажной тряпкой. Хосе разжал пальцы. Серые хлопья упали на песок, и ветер тут же подхватил их, закружил в миниатюрном смерче и унес в сторону пустоши. — Хорошо, — произнес Хосе, поднимаясь на ноги. Голос его звучал глухо, но в нем прорезалась знакомая упрямая хрипотца. — Ты ушел. Классический Урх. Весь в своем репертуаре. Он ждал, что где-то на границе сознания раздастся знакомое ворчливое «Заткнись, мальчишка». Но тишина была абсолютной. Даже тени стали короче, словно боялись привлечь внимание. И тогда Хосе наконец осознал масштаб катастрофы. Урх не просто умер. Он сгорел, защищая его от Глашатай Бездны. Сгорел полностью, принес в жертву не только временную оболочку, но и ту часть своего духа, что удерживала их общий договор. Договор ученичества. Тот самый якорь, который позволял Хосе чувствовать границу между мирами и не теряться в Нижнем мире, как слепой котенок. Теперь якоря не было. Хосе стоял один на выжженном участке земли. Пять лет обучения. Пять лет он жаловался на строгость Урха, на его дурацкие загадки и привычку будить его в три часа ночи ударом бубна по голове, чтобы показать «интересную конфигурацию лунных духов». И все эти пять лет он знал, что за его спиной стоит сила. Ехидная, ворчливая, порой жестокая, но сила. Теперь за спиной была только пустота. — Значит, так, — сказал Хосе вслух, обращаясь к ящерице, которая выползла погреться на камне. Ящерица смотрела на него с выражением крайнего неодобрения. — Скорбь — это непозволительная роскошь. Урх сам говорил, что мертвые не любят, когда живые тратят время на сопли. Надо думать. Думать было о чем. Глашатай Бездны, древняя тварь, которую Урх запечатал в корнях мира еще во времена молодости нынешних гор, вырвался. Или почти вырвался. Урх своей жертвой не уничтожил его, а лишь отсрочил неизбежное. Запечатал снова, но уже второпях, на живую нитку, как говорил сам наставник. «Если я уйду, — сказал тогда Урх, — печать продержится год. Может, чуть дольше, если духи будут в хорошем настроении. Ты должен найти другого Хранителя. Того, кто знает Истинные Слова. Или выучи их сам». — Легко сказать, — пробормотал Хосе, потирая виски. — «Выучи Истинные Слова». Ты мне даже азбуки духов не оставил, сжег все таблички вместе с собой. И тут он замер. В голове, словно эхо далекого грома, пронеслась мысль. Не его мысль. Чужая, острая, как осколок обсидиана. Она не была облечена в слова, скорее, в образы и ощущения: *запах горелого воска, холод медной чаши, танец трех теней при свете семи лун...* Видение длилось лишь мгновение, но Хосе вцепился в него, как утопающий в корягу. Это был след. Урх не мог оставить его совсем без ключа. Возможно, во время высшего сожжения, когда дух наставника соприкоснулся с абсолютной энергией, часть его памяти, знаний, просто выплеснулась наружу и осела на ближайшем живом существе. То есть на Хосе. — Значит, пазл все еще здесь, — прошептал Хосе, и впервые за день его губы тронула бледная улыбка. — Просто ты разбил его на тысячу кусков и распахал по самым темным углам моей головы. Это было похоже на Урха. Вместо того чтобы просто дать ответ, он превратил знание в

квест. Воспитание через страдание — его любимый метод. — Чистый разум, — произнес Хосе, вспоминая один из первых уроков. — Он говорил, что сознание — это пыльный чердак. Иногда, чтобы найти нужное, туда надо зайти с метлой. Или с бубном. Хосе скинул с плеч пончо и остался в одной холщовой рубаше. Взглянул на пустошь. Солнце уже клонилось к закату, и тени выползали из своих дневных убежищ. Сейчас они были просто тенями, но с наступлением темноты граница истончится, и тогда... Без защиты Урха ему нельзя оставаться на открытом месте. Но и уходить было некуда. — Ладно. Начнем с бубна. Он подошел к своему походному мешку, который чудом не пострадал во время битвы. Развязал кожаный шнурок и вытащил бубен. Это был не просто музыкальный инструмент. Это была карта, компас и некий аппарат в мир духов, сделанная из натянутой кожи горного козла и расписанная охрой кровью самого Хосе. Он сел, скрестив ноги, прямо на холодную землю, положил бубен на колени и закрыл глаза. Где-то там, в закоулках разума, лежал первый фрагмент послания Урха. *Танец трех теней при свете семи лун*. Что это? Метафора? Воспоминание? Координаты? Хосе поднял колотушку. Первый удар прозвучал робко, неуверенно. Как у ребенка, который впервые стучит в дверь взрослого. Он прислушался к вибрации, расходящейся от центра бубна. В ответ — тишина. Второй удар был сильнее. Хосе вложил в него всю свою обиду, все одиночество и злость на старика, который оставил его с бомбой замедленного действия в одиночестве. Звук получился резким, требующим. И мир духов отозвался. Перед внутренним взором начали сгущаться тени. Сначала три смутных силуэта. Они действительно танцевали — медленный, гипнотический танец вокруг костра, которого не было. Хосе попытался приблизиться к ним, разглядеть лица, но чем ближе он подходил, тем быстрее они двигались, сливаясь в один темный вихрь. И вдруг всё остановилось. Хосе увидел семь огней, выстроившихся в линию на фоне абсолютной черноты. Семь лун? Нет, скорее, семь звезд, сложенных в особый узор, похожий на позвонки змеи. И эта змея указывала головой на восток. Туда, где за Великой Пустошью начинались Костяные горы. — Восток, — прошептал Хосе, открывая глаза. — Он посылает меня к Костяным горам. Сердце забилося быстрее. Это была не просто догадка, а четкое внутреннее знание. Первый фрагмент пазла встал на место. Там, в лабиринтах Костяных гор, живет тот, кто знает Истинные Слова. Или, по крайней мере, знает, где искать следующую часть шифра. Хосе бережно упаковал бубен обратно в мешок и закинул его на плечо. Оглянулся на место, где догорал костер. Только угли и пепел. Он вспоминал Пустыню Сонору где когда то сам жил и практиковался — Ты не облегчил мне жизнь, старик, — сказал он в пустоту. — Но я найду его. Я выучу слова. И когда Глашатай снова высунет свою морду, я встречу его во всеоружии. Обещаю. Где-то далеко, на самой границе слышимости, раздался раскат грома. Хотя небо было абсолютно чистым. Возможно, Урх, где бы он сейчас ни был, смеялся. Или ворчал. Или и то, и другое одновременно. Хосе развернулся лицом на восток, туда, где алел закат, словно свежая рана, и сделал первый шаг навстречу своей новой, одинокой и смертельно опасной судьбе. Где-то в пустоте, извиваясь в такт неслышной мелодии, три тени поплыли следом за ним, не отставая ни на шаг. Охота на истину началась.

Глава 2: Голоса

Пустошь встретила его тишиной. Не той уютной тишиной предрассветного леса, где поскрипывают сверчки и шелестит листва, а глубокой, вакуумной тишиной, от которой закладывает уши. Хосе шел уже третий день, и за это время не встретил ни одного живого существа. Даже стервятники, вечные спутники павших путников, не кружили над его головой. Это напрягало.

Странный это был переход. Костяные горы лежали на востоке, но обычному человеку, чтобы добраться до них, потребовалось бы идти через перевал Трех Ветров, делая крюк в две недели. Однако Хосе не был обычным человеком. Урх научил его срезать путь через Изнанку — сумрачное пространство между мирами людей и духов, где расстояния подчиняются не географии, а намерению.

Проблема заключалась в том, что Изнанка без проводника — самоубийство.

Раньше Урх просто брал его за шкуру, и пространство само расступалось перед ними, как вода перед носом лодки. Теперь же Хосе приходилось прощупывать дорогу самому, ориентируясь по едва уловимым колебаниям эфира. Это напоминало ходьбу по болоту с завязанными глазами: каждый шаг грозил провалом в Нижний мир, откуда без проводника не возвращаются.

— Сосредоточься, — пробормотал Хосе, вытирая пот со лба. Солнце палило нещадно, но ему было холодно — верный признак того, что он слишком близко подошел к границе. — Ты ищешь не горы. Ты ищешь ключ.

Он остановился и снова закрыл глаза.

Танец трех теней при свете семи лун.

Видение из первой ночи повторялось каждые сумерки, стоило ему провалиться в поверхностный сон. Три фигуры кружились, сплетаясь и расплетаясь, и каждый раз танец заканчивался на одном и том же движении: все три одновременно указывали в землю у своих ног. Что-то было скрыто там. Не в горах. Под ними.

— Не лезь под землю без приглашения, — вспомнил он еще одно наставление Урха. — Подземные духи обидчивы. Они считают, что все, кто ходит по земле, тычут им пятками в небо. Но другого пути не было.

Хосе скинул мешок, достал бубен и на этот раз не стал бить в него. Вместо этого он расстелил его на песке, налил в центр немного воды из фляги и капнул туда же три капли собственной крови. Вода тут же потемнела, став похожей на жидкий обсидиан.

— Я, Хосе, сын Мары-травницы, ученик Урха-Без-Тела, — произнес он ритуальную формулу, стараясь, чтобы голос не дрожал, — прошу аудиенции у Хозяина Подземных Пустот. Пришел с миром, с подарком и с вопросом.

Подарком служила щепотка соли. Обычная соль, самая дешевая, которую он купил еще в деревне Трех Колодцев. Но для подземных духов соль была дороже золота — в их мире ее не существовало.

Хосе бросил кристаллы в темную воду.

Секунду ничего не происходило. Потом поверхность бубна пошла рябью, хотя ветра не было. Кровь и вода начали закручиваться в спираль, и из центра этой воронки ударил тонкий, ослепительно белый свет. Свет пульсировал, словно сердце какого-то древнего, непостижимого зверя.

— Мальчишка Урха, — раздался голос. Он шел не снаружи, а изнутри, пробираясь по костям, как холод. Голос был женским, но в нем слышался скрежет скальных пород и хруст тектонических плит. — Старый хитрец сторел, а ты остался. Зачем пришел? Плакаться?

Хосе скрипнул зубами. Он ожидал снисходительного тона, но не настолько откровенного.

— Не плакаться, Госпожа, — ответил он, склоняя голову ровно настолько, чтобы выказать уважение, но не подчинение. — Мне нужен проход под Костяными горами. Там что-то спрятано. Что-то, что оставил мой наставник.

Воронка в бубне забурилась, и из нее выплеснулась капля черной жидкости. Капля упала на песок и тут же превратилась в скорпиона — черного, с семью сочленениями на хвосте. Скорпион замер, уставившись на Хосе бусинками глаз.

— Урх должен мне, — проскрежетала Госпожа Пустот. — Должен за ту ночь в Каньоне Плачущих Камней. Он обещал мне песню, способную усыпить Боль Земли. И не отдал долг. Сгорел. Теперь его долг висит на тебе.

Хосе мысленно выругался. Конечно. Классический Урх — оставил после себя не только квесты, но и невыплаченные кредиты в мире духов. И кредитором оказалась сама Хозяйка Подземных Пустот, древняя сущность, которую боялись даже шаманы уровня Урха.

— Что за песня? — осторожно спросил он.

Скорпион пошевелил жалом, и в воздухе повис образ: глубокая пещера, освещенная фосфоресцирующими грибами, и в центре — гигантский кристалл, пульсирующий болью. Вокруг кристалла — трещины, расходящиеся по всей пещере, словно вены. Боль Земли.

— Спой песню. Усыпи её. И тогда я открою тебе путь под горами.

— Я не знаю слов, — честно признался Хосе.

— Знаешь, — отрезала Госпожа. — Просто забыл. Урх зашил их в тебя, как зашивают золотые монеты в подкладку плаща. Вспоминай.

Скорпион дернул хвостом и пополз прочь, в сторону песчаных барханов. Хосе понял, что это проводник. Либо он последует за ним и справится с заданием, либо навсегда закроет себе путь под землю. И до Костяных гор будет добираться пешком, через перевал, теряя драгоценные недели. Недели, которых у мира не было.

Он закинул бубен в мешок и пошел за скорпионом.

Тот привел его неожиданно быстро — к расщелине в земле, узкой, словно шрам от ножа. Из расщелины тянуло сыростью и чем-то сладковатым, напоминающим запах гниющих орхидей. Хосе никогда не нюхал гниющих орхидей, но был уверен, что пахнут они именно так.

— Ненавижу подземелья, — прошептал он и полез внутрь.

Спуск занял, казалось, вечность. Стены туннеля были теплыми и влажными, а иногда — пугающе мягкими. Хосе старался не думать, по чьим внутренностям он ползет. В мире духов у всего была своя анатомия.

Наконец туннель расширился, и он вышел в ту самую пещеру из видения. Светящиеся грибы на стенах, кристалл в центре — огромный, выше человеческого роста, пульсирующий тусклым, болезненным оранжевым светом. И трещины. Десятки трещин, расходящихся от кристалла во все стороны, словно паутина.

Боль Земли.

Хосе подошел ближе. Кристалл гудел на низкой частоте, от которой сводило зубы и начиналась головная боль. Он чувствовал эту боль — она просачивалась через подошвы сапог, поднималась по ногам, скручивала внутренности. Это была боль самой планеты, уставшей от ран, которые ей наносили люди и духи.

— Песня, — напомнил скорпион, сидящий на камне у входа. — Или уходи.

Хосе закрыл глаза. Песня. Какая, к демонам, песня? Он не знал ни одной колыбельной — мать умерла, когда он был младенцем, а Урх... Урх вместо колыбельных рассказывал заговоры от сглаза.

Но что-то внутри него отозвалось.

Воспоминание пришло не через голову, а через тело. Его губы вдруг начали складываться в странные, незнакомые звуки. Гортань завибрировала на частоте, на которой люди не говорят. Язык задвигался, выписывая слова, которых он никогда не учил.

«Спи, каменное сердце, спи. Твои вены — русла рек, твои слезы — соль морей. Люди уйдут, духи уйдут, звезды погаснут. А ты останешься. Ты всегда остаешься. Спи.»

Мелодия полилась сама — протяжная, монотонная, лишенная привычного ритма. Это была не музыка для человеческих ушей. Это был резонанс самой земли.

Кристалл вздрогнул.

Пульсация замедлилась. Оранжевый свет стал бледнеть, переходить в мягкий, янтарный. Трещины на стенах начали затягиваться, словно раны на коже великана. Хосе пел, а из глаз его сами собой текли слезы — не от печали, а от чудовищного напряжения. Каждое слово вырывалось из него с болью, словно он рожал эти звуки.

Последний куплет он уже не пел, а хрипел.

И кристалл погас.

Пещера погрузилась в темноту, нарушаемую лишь мягким свечением грибов. Тишина стояла абсолютная, но это была уже не та мертвая тишина пустоши, а живая, наполненная тишина спящего ребенка.

— Принимается, — прошелестел голос Госпожи, и в нем впервые послышалось что-то похожее на уважение. — Долг Урха уплачен. Путь под горами открыт.

В стене пещеры, прямо напротив Хосе, засветилась арка прохода. За ней виднелись не камни, а густой, серебристый туман.

Скорпион, сидевший на камне, поклонился — насколько это возможно для скорпиона — и начал рассыпаться в пыль. Его миссия была окончена.

Хосе вытер лицо рукавом. В горле саднило, словно он проглотил битое стекло. В голове шумело. Но где-то глубоко внутри, в том самом потаенном чулане разума, куда Урх зашил свои секреты, зажглась еще одна искра понимания.

Первая часть ключа была не просто словом. Это была сама песня. Теперь он ее знал.

Он шагнул в серебристый туман, и проход за ним закрылся, оставив Боль Земли спать в темноте. До следующего раза. До следующего шамана, который придет и споет ей новую колыбельную.

Глава 3: Корни

Серебристый туман расступился, и Хосе понял, что стоит не на камнях, а на чем-то мягком и теплом. Пахло прелой листвой и чем-то кисловатым — так пахнет в дупле старого дерева, где поселилось целое семейство древесных грибов. Он замер, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Это был не туннель. И не пещера.

Он стоял в гигантском переплетении корней. Корни уходили вверх, вниз, в стороны — толщиной с тело взрослого мужчины, они извивались, словно застывшие змеи, образуя своды, арки и галереи. Некоторые светились изнутри тусклым фосфорическим светом, другие были покрыты мхом, который мерцал синевой. Пространство между корнями заполняла земля, но не обычная — черная, маслянистая, пахнувшая древностью.

Хосе присел на корточки и потрогал почву. Она была теплой и чуть вибрировала, словно где-то глубоко внизу работал огромный механизм. Или сердце.

— Костяные горы, — прошептал он. — Не горы вовсе.

Урх как-то обмолвился, что Костяные горы получили свое название не из-за формы скал. «Это кости мира, мальчишка. Ребра земли. А то, что между ними — уже не совсем земля». Тогда Хосе списал это на очередную метафору наставника. Теперь же, стоя внутри этой циклопической корневой системы, он начал понимать. Он был не под горами. Он был внутри чего-то живого. Очень старого. И, возможно, не совсем спящего.

Он двинулся вперед, стараясь ступать бесшумно. Корни под ногами пружинили, поглощая звук шагов. В воздухе висела легкая дымка — не туман, а скорее взвесь мельчайших спор, от которых слегка кружилась голова. Хосе натянул край пончо на нос и рот, но это мало помогло.

Через несколько десятков шагов галерея расширилась. Он вышел в круглую залу, образованную сплетением корней, напоминающим купол. В центре залы росло дерево. Небольшое, искривленное, с серебристой корой и черными листьями. Но самое странное было не в этом.

На ветвях дерева висели лица.

Десятки лиц, сотканых из того же серебристого тумана, который привел его сюда. Они были полупрозрачными, едва заметными, но когда Хосе присмотрелся, то понял, что лица живые. Они моргали. Они шевелили губами. Они смотрели на него.

— О, предки... — выдохнул он, узнавая некоторые.

Вот лицо старой Кору-птичницы из его родной деревни. Она умерла, когда ему было семь, от лихорадки. Вот кузнец Торио — сгорел в пожаре, устроенном духами-поджигателями. А вот... Хосе вздрогнул. Вот его мать. Мара-травница. Лицо ее было спокойным, почти безмятежным, и смотрело оно куда-то сквозь него.

— Мама? — голос предательски дрогнул.

Лицо не отреагировало. Оно было здесь, но не здесь. Как отражение в пруду. Хосе знал шаманские учения о душах предков, которые уходят в Нижний мир, чтобы потом переродиться. Но эти лица не были душами. Это были... отпечатки? Воспоминания дерева? Или что-то, украденное?

— Не подходи близко, — раздался голос за его спиной. — И не называй их по именам.

Хосе резко обернулся, рука автоматически дернулась к поясу, где в ножнах лежал ритуальный нож из обсидиана. Но сзади никого не было. Только корни и дымка.

— Кто здесь? — спросил он, стараясь говорить твердо.

— Здесь? — голос прозвучал теперь слева, и в нем послышалась усмешка. — Все. И никто. Но конкретно я — та, кто не хочет, чтобы ты разбудил Древо Памяти раньше времени.

Из-за толстого корня вышла фигура. Это была женщина. Или, по крайней мере, она выглядела как женщина — высокая, худая до измождения, с длинными седыми волосами, заплетенными в сотни мелких косичек. Ее кожа имела землистый оттенок, а глаза — сплошь черные, без белков и зрачков. Она была одета в лохмотья, сшитые из кусков коры и сухих листьев. В руках она держала посох, увенчанный человеческим черепом, но не обычным — этот череп был обтянут тончайшей серебристой кожей и, кажется, слегка светился.

— Ты кто? — спросил Хосе, не отпуская рукоять ножа.

— Хранительница Корней, — женщина склонила голову набок, изучая его, как изучают редкое насекомое. — Или Хозяйка Галереи Шепотов. Или просто Карга, как меня называют те, кто выбирается отсюда живыми. Выбирай любое имя, мальчишка. Мне все равно.

— Меня зовут Хосе. Я ученик...

— Урха, — перебила Карга. — Знаю. От тебя разит его духом за версту. Вернее, разило. Теперь разит только пеплом. Бедный старый дурак. Я говорила ему не связываться с Глаша-таем. Но он никогда не слушал советов.

Хосе нахмурился. Эта женщина знала Урха. Более того, говорила о нем с фамильярностью, которая выдавала долгую историю отношений. Союзники? Враги? В его мире это часто было одно и то же.

— Ты поможешь мне? — спросил он прямо. — Я ищу Истинные Слова. Или того, кто их знает.

Карга рассмеялась. Смех ее был похож на треск ломающихся веток.

— Истинные Слова? — она покачала головой. — Ох, Урх, во что же ты втянул мальчишку. Истинные Слова не знает никто. Их вообще невозможно «знать». Их можно только вспомнить.

— Вспомнить?

— Да. — Карга подошла ближе, и Хосе заметил, что ее ноги не касаются земли. Она парила в нескольких дюймах над корнями, и там, где она проходила, мох на мгновение становился черным. — Истинные Слова — это язык, на котором мир был создан. Каждое живое существо знает их в момент рождения и забывает с первым вздохом. Кроме некоторых.

— Каких?

— Тех, кто умирал и возвращался, — Карга указала посохом на лица, висящие на дереве. — Это не души, если ты еще не понял. Это те, кто почти ушел, но зацепился за корни мира. Они здесь, потому что не могут уйти дальше. И не могут вернуться. Их знание застыло в них, как муха в янтаре.

Хосе посмотрел на лицо матери. Теперь он видел его иначе — не как живое, а как застывший слепок последней мысли, последнего слова. Знание. Но какое?

— Ты хочешь сказать, что Истинные Слова хранятся в этих... отпечатках?

— В некоторых, — Карга пожала плечами. — Но не в этих. Это так, мелочь, не успевшая уйти. Тебе нужно глубже. В самое сердце корней. Там, где спят те, кто умирал по-настоящему.

— Шаманы?

— И не только, — Карга впервые посмотрела на него серьезно, и ее черные глаза вдруг отразили свет, которого не было. — Там спят Нарушители. Те, кто пытался изменить сам порядок вещей. Их знание — это знание о том, как переписывать реальность. Но оно проклято. Тот, кто возьмет его, должен будет отдать что-то равноценное. Урх отдал свою жизнь. Что отдашь ты?

Хосе замолчал. Это был не риторический вопрос. Карга ждала ответа, и от этого ответа зависело, пустит ли она его дальше или оставит гнить в этих корнях.

— Я отдам то, что принадлежит мне, — сказал он наконец. — Но не сейчас. Сначала я хочу увидеть, что именно мне предлагают взять.

Карга улыбнулась. Улыбка у нее была жуткая — слишком широкая, с слишком острыми зубами.

— Хороший ответ. Торговля — это всегда сначала осмотр товара. Урх хорошо тебя выучил.

Она стукнула посохом о землю, и стена корней за ее спиной разошлась в стороны, открывая темный проход. Из прохода пахнуло холодом и чем-то еще — запахом, который Хосе не мог опознать, но от которого волосы на затылке встали дыбом.

— Иди прямо, никуда не сворачивай, — сказала Карга. — Там ты найдешь того, кто знает. Вернее, того, кто помнит. Но будь осторожен, Хосе-ученик-без-учителя. Те, кто спит в глубине, не любят, когда их будят вопросами. Иногда они просыпаются с ответами, которые лучше никогда не слышать.

Хосе кивнул, собираясь с духом. Он окинул последним взглядом залу, Древо Памяти, лица-отпечатки. Задержался на лице матери. Оно по-прежнему смотрело сквозь него.

— Я вернусь, — прошептал он, обращаясь не столько к ней, сколько к самому себе.

И шагнул в темноту.

Проход закрылся за ним с тихим, влажным звуком. Карга осталась одна в зале. Она подошла к Древу Памяти, коснулась пальцем лица Мары-травницы, и лицо на мгновение оживо — в глазах мелькнула искра узнавания.

— Твой сын вырос упрямым, — сказала Карга. — Весь в тебя.

Лицо снова застыло.

В глубине корней, там, где темнота становилась абсолютной, Хосе начал свой спуск к тем, кто ждал его с начала времен.

Глава 4: Корневые Глубины

Темнота в проходе заполнялась всё больше и больше. Это была особая, живая тьма — густая, как патока, и такая же липкая. Хосе чувствовал, как она обволакивает его, пробует на вкус, забирается под одежду холодными щупальцами. Он шел, выставив руки вперед, и каждый шаг давался ему с трудом, словно он брел по дну реки против течения.

Воздух становился все более спертый, пропитанным запахом сырой земли и чего-то металлического — так пахнет кровь, когда ее много и она старая. Звуки здесь искажались: его собственное дыхание возвращалось к нему эхом, но с задержкой, будто звуку требовалось время, чтобы обогнуть невидимые препятствия.

— Значит так, — прошептал Хосе, чтобы хоть как-то нарушить гнетущую тишину. — Я внутри корневой системы мира. Иду в гости к покойникам, которые знают язык творения. Один. Без проводника. Без оружия, которое работает в этом месте.

Он проверил нож. Обсидиановое лезвие, обычно холодное и чуть вибрирующее в присутствии духов, сейчас было теплым и совершенно инертным. Как обычный камень. Это пугало больше всего — его единственное ритуальное оружие здесь было бесполезно.

Проход начал сужаться. Корни, образующие стены, сдвигались все ближе, и вскоре Хосе уже не шел, а протискивался боком, чувствуя, как шершавая кора царапает щеку. Паника — старая знакомая — зашевелилась где-то в животе, но он загнал ее глубже. Паника здесь была смерти подобна. В мире духов эмоции имели запах, и хищники шли на этот запах, как акулы на кровь.

А потом проход кончился.

Хосе буквально выпал из него, кубарем покотившись по наклонной поверхности. Он остановился, ударившись плечом обо что-то твердое, и замер, переводя дыхание.

Здесь был свет.

Тусклый, призрачный, он исходил от самих стен — если это можно было назвать стенами. Хосе находился в огромной пещере, потолок которой терялся в вышине, а пол был усеян... костями. Но не человеческими. Это были кости существ, которых он никогда не видел: ребра, изогнутые спиралью, черепа с тремя глазницами, позвонки размером с колесо телеги. Кости лежали слоями, одни на других, образуя причудливый ландшафт — холмы и впадины, гребни и ущелья из останков.

— Костяные горы, — выдохнул Хосе. — Мы прямо под ними. Это их фундамент.

Он поднялся на ноги, отряхивая с пончо костяную пыль, и огляделся. Пещера уходила вдаль насколько хватало глаз. Где-то в центре этого жуткого кладбища что-то мерцало — мягкий, пульсирующий золотистый свет, похожий на биение сердца. Оно было далеко, возможно, в часе ходьбы, но другого ориентира не было.

— Иди на свет, — сказал он себе. — Потому что в историях, где герой идет во тьму, обычно съедают.

Путь через костяное поле был долгим и нервным. Кости под ногами крошились и проваливались, иногда Хосе по колено уходил в костяную крошку. Пару раз из груд останков выскакивали мелкие духи-падальщики — полупрозрачные существа, похожие на многоножек, — и тут же прятались обратно. Они не нападали, только наблюдали. Но Хосе знал: если падальщики здесь, значит, есть и кто-то крупнее.

Чем ближе он подходил к источнику света, тем громче становился звук. Сначала он принял его за шум крови в ушах, но потом понял — это дыхание. Медленное, размеренное, как океанский прилив. Кто-то впереди дышал. И этот кто-то был огромен.

Свет теперь был виден отчетливо. Он исходил от гигантского кристалла, воткнутого в центр костяного кургана. Кристалл был высотой с двухэтажный дом, его грани переливались золотом, и внутри него что-то двигалось — силуэт, скрученный в позе эмбриона.

— Просыпайся, — прошептал Хосе, узнав это слово. Оно всплыло из тех же глубин памяти, что и песня для Больной Земли. — Просыпайся. Я пришел.

Он подошел ближе, и дыхание спящего изменилось. Оно стало чаще, прерывистее. Кристалл засветился ярче, и Хосе наконец смог разглядеть, что внутри. Это был человек. Или не совсем человек. Тело его было покрыто символами, вырезанными прямо на коже, и символы эти слабо светились в такт дыханию. У него не было волос, а глаза были закрыты так плотно, что веки, казалось, срослись. Но самое страшное — у него не было рта. Только гладкая кожа там, где должны были быть губы.

— Как же ты говоришь? — спросил Хосе, не ожидая ответа.

Ответ пришел не в виде звука. В его голове вдруг раздался голос — низкий, рокошущий, как камнепад в горах. Это была даже не речь, а поток образов, эмоций и понятий, втиснутых в его сознание без спроса.

«Мальчик-шаман. Мальчик-без-учителя. Ты пришел за словами, которые нельзя сказать.»

Хосе схватился за голову. Ощущение было такое, словно в череп залили кипящее масло. Перед глазами заплескались огоньки, ноги подкосились, и он рухнул на колени прямо в костяную пыль.

— Да, — прохрипел он. — Я пришел за Истинными Словами. Глашатай Бездны скоро вырвется. Мне нужно запечатать его снова.

Спящий дернулся. Внутри кристалла пошли трещины, и Хосе на мгновение показалось, что тот сейчас разобьется. Но трещины затянулись так же быстро, как появились.

«Глашатай...» — в голосе послышалась боль. *«Я помню его. Я помню всех. В этом мое проклятие. Я — Первое Слово. Я — Акаш. Я был первым, кто произнес Имя мира, и меня за это лишили речи. Теперь я только помню. Бесконечно помню.»*

Хосе поднял голову. Акаш. Это имя он слышал. Урх упоминал его лишь раз, шепотом, и то в ночь, когда они пили настойку из грибов-говорунов. «Первое Слово, мальчишка. Не трепли это имя без нужды. Оно тяжелое.»

— Ты можешь дать мне знание? — спросил он. — Хотя бы часть? Достаточную, чтобы остановить Бездну?

Акаш шевельнулся в своем кристальном коконе. Символы на его коже вспыхнули ярче, и Хосе увидел их отчетливо. Это были буквы. Неизвестного алфавита, изломанные, угловатые, как следы птичьих лап на снегу. Но он их понимал. Понимание приходило не через ум, а через боль — каждая буква врезалась в его сознание, оставляя шрамы на самой душе.

«Знание не дается. Знание берется. Ты должен взять его сам. Но предупреждаю: каждое слово, которое ты узнаешь, сотрет часть тебя. Твои воспоминания. Твои чувства. Твою... суть. Ты готов платить такую цену?»

Хосе замер. Это было не предупреждение. Это была констатация факта, произнесенная с безразличием существа, которое видело, как сотни таких же самонадеянных шаманов приходили сюда и навсегда теряли себя среди этих костей.

Он подумал об Урхе. О том, как старик, даже горя заживо, не переставал ухмыляться, потому что знал — его жертва купит время. Он подумал о своей деревне, о матери, чье лицо осталось висеть на Древе Памяти. О той твари, Глашатае Бездны, которая почти вырвалась и которая вырвется полностью, если он сейчас струсит.

— Цена — это часть сделки, — сказал он, вставая с колен. Голос его дрожал, но он стоял прямо. — Урх заплатил жизнью. Я готов заплатить памятью. Давай свои слова, Акаш Первое Слово.

Кристалл засветился ослепительным светом. Трещины побежали по его поверхности, уже не затягиваясь. Спящий внутри начал разворачиваться, и Хосе увидел, что его глаза открыты. Вернее, на их месте были две черные дыры, в которых клубилась та же самая живая тьма, что и в проходе.

«Тогда смотри.»

Хосе закричал.

В его сознание хлынул поток. Слова, буквы, символы, понятия — миллионы, миллиарды обрывков знания, которое было старым еще до того, как мир стал твердым. Он видел рождение звезд и их смерть. Он видел, как духи сшивали реальность из пустоты, используя именно эти звуки. Он видел Имена всего сущего — камня, ветра, боли, любви, страха. У каждого было Имя. У каждого был способ его позвать.

Но вместе со знанием приходила пустота.

Он забыл, как пахнет дождь. Забыл вкус кукурузных лепешек, которые пекла мать. Забыл лицо Урха — нет, не совсем, но черты его расплывались, таяли, как дым. Свое собственное имя на мгновение стало чужим — просто набор звуков, лишенный смысла.

Он падал. Или ему казалось, что падает. Костяное поле ушло из-под ног, кристалл исчез, остался только бесконечный поток света и информации, который пронесился сквозь него, вымывая его личность.

А потом все кончилось.

Хосе обнаружил себя лежащим на спине. Голова раскалывалась, перед глазами плавали черные круги. Но что-то изменилось. Он чувствовал это всем своим существом. Мир вокруг стал... прозрачнее. Он видел кости, но теперь он знал их имена. Он видел тени в углах пещеры, и теперь он понимал их шепот.

Он сел, с трудом опираясь на локти. Кристалл перед ним был пуст и темен. Акаш исчез. Или, возможно, он просто перестал его видеть. Но на коленях у Хосе лежал предмет, которого раньше не было — осколок кристалла, размером с ладонь, все еще теплый и слегка светящийся.

— Я запомнил не все, — прохрипел он. Голос звучал чужим, словно принадлежал другому человеку. — Я не могу помнить все. Но я знаю достаточно.

Он поднял осколок. В нем, как в зеркале, отражались символы — те самые, что были вырезаны на коже Акаша. Ключ. Не полный, но ключ.

— Спасибо, — сказал он пустоте.

Ответа не было, но ему показалось, что костяное поле на мгновение осветилось мягким золотым светом, словно кто-то улыбнулся.

Хосе поднялся на ноги, пошатываясь. Ему нужно было возвращаться. Наверх, через корни, мимо Карги, мимо Древа Памяти. Наружу, где его ждал Глашатай и еще одиннадцать месяцев до часа расплаты.

Он сделал шаг. Потом еще один. И еще.

Знание пульсировало в крови, требуя выхода. Истинные Слова ждали своего часа. А где-то глубоко под корнями мира, в темноте более древней, чем сама тьма, что-то услышало эхо его шагов и начало медленно подниматься.

Глава 5: Кровь на корнях

Пещера не хотела его отпускать.

Кости под ногами стали словно подвижнее. Они сдвигались, стоило ему отвести взгляд, меняли своё положение, перегораживали путь. Пару раз он ловил себя на том, что идёт по кругу, хотя был уверен, что движется строго прямо.

— Территориальный инстинкт, — пробормотал он, вспоминая уроки Урха. — Место силы не любит, когда из него что-то выносят.

Осколок кристалла в его кармане запульсировал теплом, словно подтверждая догадку. Хосе достал его и поднял над головой. Золотистый свет разлился вокруг, и кости немедленно замерли. Иллюзия кругового движения рассеялась: проход был прямо перед ним, в двадцати шагах.

— Спасибо, Акаш, — прошептал он и, не теряя времени, нырнул в темноту.

Путь вверх дался легче. То ли знание Истинных Слов меняло его восприятие, то ли пещера смирилась с кражей, но стены больше не сжимались, а тьма не пыталась задушить. Он поднимался быстро, почти бежал, перепрыгивая через выступы корней, и где-то через час перед ним забрезжил знакомый фосфорический свет.

Галерея Корней. Древо Памяти. Карга.

Но что-то было не так.

Хосе замедлил шаг, ещё находясь в проходе. Свет в зале был другим — более красным, пульсирующим. И пахло... гарью. Свежей гарью, не той древней, что въелась в его одежду после погребального костра Урха, а новой, с примесью сладковатого запаха горящей плоти.

Он прижался спиной к корню и осторожно выглянул.

Древо Памяти горело.

Серебристые листья скручивались, чернели и осыпались пеплом. Лица на ветвях кричали — беззвучно, одними губами, но Хосе слышал этот крик где-то на границе сознания, тонкий, как комариный писк. Ветви корчились, словно живые руки, пытающиеся сбросить с себя пламя. Но самое страшное было в другом.

У подножия дерева лежала Карга.

Её посох был сломан пополам, череп-навершие расколот и разбросан осколками по земле. Сама Хранительница Корней лежала на боку, из её груди торчало что-то длинное, чёрное и дымящееся — не то копьё, не то шип какого-то чудовищного растения. Её чёрные глаза были открыты, но свет в них угасал.

— Карга! — Хосе выскочил из укрытия и бросился к ней, забыв об осторожности.

Она пошевелилась. Её рука, скрученная, с длинными ногтями, похожими на когти, дёрнулась и схватила его за запястье. Хватка была стальной — предсмертная сила агонии.

— Мальчишка... — прохрипела она. Голос её был похож на шорох осенних листьев. — Глупый, глупый мальчишка. Ты привёл их за собой.

— Кого? — Хосе попытался осмотреть рану, но шип в груди Карги вдруг зашевелился, пульсируя, и она закричала — страшно, нечеловечески.

— Гончих Бездны, — выдохнула она, когда спазм прошёл. — Ты спускался в глубину, и твой след... твой запах... Глашатай почуял тебя. Он выслал их. Они ждали здесь.

Хосе похолодел. Гончие Бездны. Урх упоминал их лишь раз, и то нехотя. «Если когда-нибудь увидишь пса без шкуры, с глазами как дыры в никуда — не беги. Бежать бесполезно. Стой и дерись. И молись, чтобы их был всего один». Судя по следам вокруг — глубоким бороздам в корнях, опалённым участкам мха и разбросанным костям, которых раньше здесь не было, — гончих было несколько.

— Я не знал, — сказал он, понимая, как жалко это звучит.

— Конечно, не знал, — Карга усмехнулась, и из уголка её рта потекла тёмная, почти чёрная кровь. — Ты ещё жив, а значит, глуп. Мудрые шаманы умирают рано. Урх был исключением. Слушай...

Она дёрнула его за руку, притягивая ближе. Её дыхание пахло сырой землёй и тленом.

— Они забрали лица. Четыре лица с Древа. Они вырывают память и несут её хозяину. Глашатай хочет знать, что ты получил внизу. Хочет знать слова, которые тебе дал Акаш.

Хосе поднял взгляд на горящее дерево. Теперь он заметил: на ветвях зияли пустоты, словно кто-то вырвал куски самой реальности. Лицо матери — он искал его глазами, но не находил.

— Чьи лица они забрали? — спросил он, и голос его дрогнул.

— Не знаю имён. Но одно из них... женское. Молодое. Пахло травами. Оно сопротивлялось больше всех. Почти вырвалось.

Сердце Хосе пропустило удар. Мама. Они забрали отпечаток его матери.

— Как их остановить? — он сжал кулаки. — Как вернуть лица?

— Никак, — Карга закашлялась. — Их уже не вернуть. Но ты можешь не дать им доставить добычу. Гончие ушли на восток, к Разлому. Там граница между мирами тонка, и они смогут передать знание Глашатаю напрямую. Если ты опередишь их и запечатаешь Разлом раньше, чем они доберутся... знание останется здесь. В мире живых.

— Сколько у меня времени?

— Мало. — Карга вдруг улыбнулась, и в этой улыбке было что-то от прежней жутковатой насмешницы. — Но ты теперь носитель Истинных Слов. Ты можешь больше, чем думаешь. Просто не бойся заплатить цену.

Она отпустила его запястье. Её рука упала на землю и начала рассыпаться — сначала пальцы, потом ладонь, потом предплечье. Труха, смешанная с пеплом.

— Ты умираешь, — прошептал Хосе.

— Я — Хранительница Корней, — её голос звучал уже откуда-то издалека, словно эхо. — Я не могу умереть, пока жив хоть один корень. Но эта форма... отслужила своё. Мы ещё встретимся, мальчишка. В другой галерее. В другом сне. А теперь иди. И будь осторожен: одна из гончих, кажется, осталась здесь. Ждала тебя.

Она рассыпалась полностью, оставив после себя лишь горсть земли, сломанный посох и чёрный шип, который всё ещё пульсировал, как живой.

Хосе поднялся с колен. В висках стучало, в груди клокотала ярость — на себя, на Глашатаю, на весь этот проклятый мир духов, который забирал у него всё, что он любил. Но ярость была сейчас плохим советчиком. Он знал это. Урх вбивал ему это в голову годами. «Эмоции — это еда для духов. Ты злишься — ты кормишь их. Ты боишься — ты кормишь их ещё больше. Будь пустым, как барабан перед ударом».

Он заставил себя дышать ровно.

Гончая. Одна осталась здесь. Где-то в галерее. Ждёт его.

Хосе медленно обвёл взглядом зал. Горящее дерево отбрасывало пляшущие тени, и в этих тенях легко было спрятаться. Но теперь у него было преимущество. Он знал Истинные Слова. Не все, но достаточно, чтобы видеть скрытое.

Он произнёс одно из них — короткое, как выдох, слово, которое значило примерно «покажись-тем-кто-прячется-во-тьме». Звук получился нечеловеческий — гортанный, с присвистом, от которого у самого Хосе заныли зубы.

Тени в зале вздрогнули. И одна из них, в дальнем углу, за толстым корнем, осталась на месте. Она не колебалась вместе с пламенем, она была статичной, плотной, как сгусток чернил.

И у неё были глаза. Две дыры в никуда.

Гончая вышла на свет.

Это было существо размером с крупную собаку, но лишённое шкуры. Его мышцы, сухожилия и кости были видны как на ладони, влажно поблёскивая в свете горящего дерева. Голову венчала пасть, которая открывалась не вверх-вниз, а в четыре стороны, как цветок-трупоед. Из пасти свисали обрывки чего-то серебристого — остатки украденного лица, понял Хосе. Они уже начали переваривать добычу.

— Значит так, — прошептал Хосе, вытаскивая обсидиановый нож. Теперь лезвие пело — оно снова ожило, почуяв близость врага. — Ты забрала лицо моей матери. Я заберу твою жизнь. Размен равноценный.

Гончая издала звук. Это был не рык, не вой, а что-то среднее между скрежетом металла и детским плачем. Она бросилась.

Хосе не побежал. Он стоял и дрался.

Первый удар он пропустил — тварь оказалась быстрее, чем он ожидал. Когти полоснули его по рёбрам, разрывая пончо и рубаху, оставляя четыре глубокие борозды. Боль была дикая, но он заставил себя не обращать на неё внимания. Он перекатился в сторону, уходя от пасти-цветка, и вогнал нож в бок твари.

Обсидиан вошёл в плоть с чавкающим звуком. Гончая взвыла и крутанулась на месте, вырывая рукоять из его пальцев. Нож остался торчать в её боку, но, кажется, не причинил особого вреда. Твари Бездны не умирали от обычного оружия.

— Ну давай, — прохрипел Хосе, отползая. — Ты хотела слов? Я дам тебе слово.

Он сосредоточился, несмотря на боль, на усталость, на страх. Вспомнил символы на коже Акаша. Нашёл нужное — слово, которое значило «развоплотись». Не убить, нет. Просто перестать быть. Вернуться в состояние до творения.

Он произнёс его.

Воздух в зале сгустился. Пламя на Древе Памяти на мгновение замерло, словно нарисованное. А потом Гончая начала распадаться. Не гореть, не взрываться — просто терять форму, как рисунок мелом под дождём. Её плоть, кости, когти — всё это истончалось, становилось прозрачным, а потом и вовсе исчезло, оставив после себя только облачко серого дыма и...

И серебристую искру.

Она висела в воздухе там, где только что была пасть твари — крошечный огонёк, дрожащий и испуганный. Хосе, преодолевая боль, подполз к нему и подставил ладонь. Искра опустилась на неё, и он почувствовал тепло. Родное, знакомое тепло.

— Мама, — прошептал он.

Искра запульсировала в ответ.

Он не знал, можно ли вернуть её на Древо. Он вообще мало что знал. Но пока она здесь, пока у него в кармане лежит осколок кристалла Акаша, а в жилах течёт боль и ярость пополам с древним знанием, — он будет идти. На восток. К Разлому. Наперегонки со стаей Гончих, которые несут Глашатаю ключи к его гибели.

Хосе поднялся, зажимая рану на боку. Кровь текла сквозь пальцы, капала на корни, и там, где она падала, мох становился алым.

— Восток, — сказал он вслух. — Опять восток. Мог бы и разнообразить маршрут, Урх.

Ответа не было, но где-то в глубине его сознания, среди шрамов, оставленных знанием Акаша, что-то шевельнулось — то ли смех, то ли одобрение. А может, просто ветер.

Он пошёл. Галерея Корней провожала его тихим треском догорающего Древа Памяти.

Глава 6: Преследование

Хосе шёл по галерее корней, прижимая левую руку к боку, и чувствовал, как тёплая влага просачивается сквозь пальцы, стекает по пончо, оставляя на корнях тёмные капли. Рана от когтей Гончей была глубже, чем он думал. Каждое движение отдавалось болью, и перед глазами то и дело вспыхивали белые искры.

— Кровотечение, — пробормотал он, останавливаясь, чтобы перевести дух. — Шаман, который не может оказать себе первую помощь. Урх был бы в ярости.

Он прислонился спиной к тёплому корню и заставил себя осмотреть рану. Четыре параллельные борозды тянулись от нижнего ребра до бедра. Края ран были неровными, рваными — когти Гончей не резали, а раздирали плоть, как тупые ножи. Хуже всего было то, что в ранах виднелся какой-то чёрный налёт, похожий на плесень. Яд Бездны. Медленный, но верный.

— Думай, — сказал он себе. — Ты теперь знаешь Истинные Слова. Должно быть что-то для исцеления.

Он закрыл глаза и начал перебирать в памяти символы, которые вложил в него Акаш. Их были сотни, и каждый раз, когда он прикасался к одному из них, часть его воспоминаний блёкла. Это было похоже на то, как если бы он шёл по библиотеке, где каждая прочитанная книга вырывала страницу из его собственной биографии. Но выбора не было.

Нужное слово нашлось — оно пульсировало тёплым золотистым светом среди холодных синих символов. «Затянись-края-раны-плоть-вспомни-себя».

Хосе произнёс его шёпотом, и по телу пробежала судорога. Боль на мгновение стала невыносимой — словно кто-то зашивал его изнутри раскалённой иглой. А потом отпустила.

Он посмотрел на рану. Края её действительно стянулись, кровотечение остановилось. Но чёрный налёт остался — тонкая паутина, въевшаяся в кожу. Слово исцелило плоть, но не изгнало яд.

— Ладно. С этим разберусь позже.

Хосе оторвался от корня и пошёл дальше. Галерея постепенно менялась: корни становились тоньше, светлее, в них появились просветы, сквозь которые пробивался настоящий, дневной свет. Он приближался к поверхности. К Разлому.

Но чем ближе был выход, тем больше он ощущал чужое присутствие. Не впереди — впереди была пустота, — а где-то сбоку, в параллельных галереях, за стенками из сплетённых корней. Там что-то двигалось. Несколько существ. Они не приближались и не отдалялись, а шли тем же темпом, что и он. Сопровождали. Или загоняли.

— Гончие, — понял Хосе. — Они знают, что одна из них мертва. Теперь они осторожничают.

Это было плохо. Если Гончие изменили тактику, значит, у них был вожак. А вожак стаи Бездны — это уже не зверь, а нечто гораздо более опасное. Урх называл их Ловчими — разумные твари, способные планировать, устраивать засады и, что самое страшное, говорить.

Говорить на языке, который сводил людей с ума.

Хосе ускорил шаг, насколько позволяла ноющая рана. Он должен добраться до Разлома первым.

Через час галерея вывела его к крутому подъёму. Корни здесь образовывали что-то вроде лестницы — гигантские ступени, уходящие вертикально вверх, к ослепительно яркому свету. Хосе начал карабкаться, цепляясь за выступы коры, и с каждым метром чувствовал, как воздух становится суше и холоднее.

Когда он наконец выбрался наружу, то зажмурился от яркого солнца. После часов, проведённых в полумраке подземелий, дневной свет резал глаза, как нож. Он стоял на каменистом

склоне, усыпанном мелким щебнем. Позади возвышались Костяные горы — их вершины действительно напоминали рёбра исполинского скелета, торчащие из земли. А впереди...

Впереди был Разлом.

Хосе видел его впервые, но сразу понял, что это он. Огромная трещина в реальности, протянувшаяся через пустыню на много миль. Она не была похожа на обычный каньон или расщелину. Её края светились — то мягким голубым, то ядовито-зелёным, то болезненно-фиолетовым. Цвета сменяли друг друга, как в калейдоскопе, и от этого зрелища кружилась голова. Из Разлома поднимался пар, но это был не горячий пар — он был ледяным, и там, где он касался камней, те покрывались инеем.

Граница между мирами. Тонкая, как паутина, и рваная, как старая рана.

— Успел, — выдохнул Хосе.

Он начал спускаться по склону, но не сделал и десяти шагов, как земля под ногами задрожала. Из-за скального выступа слева вылетели три тени — стремительные, бесшумные, как выпущенные из лука стрелы. Гончие.

Они окружили его полукольцом, прижимая к обрыву, за которым начинался спуск к Разлому. Три твари без шкур, с глазами-дырами и пастями, открывающимися в четыре стороны. Но одна из них отличалась от остальных.

Она была крупнее. Её рёбра срослись в подобие брони, а на месте глаз горели не просто дыры, а два тусклых красных огонька. И в пасти у неё... в пасти у неё трепыхались три серебристые искры. Три украденных лица. Одно из них — женское.

— Отдай, — сказал Хосе, и голос его прозвучал ровно, несмотря на бурю внутри. — Отдай лицо моей матери.

Ловчий — а это был именно он — склонил голову набок. Его пасть медленно, с влажным хрустом, сомкнулась, скрыв искры внутри. А потом он заговорил.

Голос Ловчего был похож на звук ломающегося льда — резкий, многослойный, с эхом, которое отдавалось не в ушах, а прямо в костях.

— *Мальчик-шаман. Носитель-слов. Ты-опоздал.*

— Я как раз вовремя, — ответил Хосе, доставая осколок кристалла Акаша. — Вы ещё не у Разлома. Знание всё ещё здесь.

— *Знание-здесь,* — согласился Ловчий, и его красные глаза вспыхнули ярче. — *Но-и-мы-здесь. Трое-против-одного. Раненый-против-целых. Ты-умрёшь-здесь-мальчик.*

Две обычные Гончие начали медленно обходить его с флангов, припадая к земле. Их мышцы перекачивались под голой плотью, когти оставляли борозды в камне.

Хосе лихорадочно перебирал в памяти Истинные Слова. Слово-развоплощение, которое он использовал против первой Гончей, отняло слишком много сил. Повторить его трижды? Он просто рухнет замертво. Нужно что-то другое. Что-то хитрее.

И тут он вспомнил. Не символ — урок. Старый урок Урха, который тот вбивал ему в голову годами.

— *«Шаман не воин, мальчика. Шаман — это обманик. Ты не побеждаешь врагов — ты заставляешь их победить друг друга. Или самих себя. Сила — это последнее, к чему ты прибегаешь. Сначала попробуй хитрость».*

Хосе убрал осколок в карман. Вместо этого он вытащил бубен.

— Вы правы, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал устало и обречённо. — Я ранен. Сил у меня мало. Трех мне не одолеть.

Ловчий издал звук, похожий на смех — сухое, скрежещущее «ха-ха-ха».

— *Мудрость-поздно-пришла.*

— Но я могу предложить сделку, — продолжил Хосе. — Знание, которое я получил от Акаша, огромно. Я не успел его весь... переварить. Оно жжёт меня изнутри. Если я просто

взорвусь им — вы не получите ничего. Так устроено это знание: оно не переваривается мёртвой плотью.

Это была ложь. Чистая, наглая, отчаянная ложь. Хосе понятия не имел, переваривается ли знание Акаша мёртвой плотью. Но Ловчий этого тоже не знал. А Гончие Бездны, при всей своей чудовищности, были созданиями порядка. Они подчинялись правилам, пусть и извращённым. Им нужна была доставка знания хозяину, а не его уничтожение.

Ловчий замер. Красные огоньки в его глазницах сузились до точек.

— *Предлагай.*

— Я предлагаю честный обмен, — Хосе поднял бубен. — Вы отдаёте мне лица, которые украли. Все три. А я добровольно отдаю вам часть знания. Ровно столько, сколько весят эти три души.

Гончие переглянулись. Обычным зверям такое поведение было несвойственно, но эти твари, похоже, были связаны чем-то вроде коллективного разума. Ловчий принимал решение за всех.

— *Три-жизни-за-три-слова?* — в его голосе послышалось сомнение. — *Неравноценно.*

— Тогда добавлю бонус, — Хосе начал медленно, ритмично постукивать по бубну. Не для того, чтобы открыть проход в мир духов — просто чтобы создать ритм, усыпить бдительность. — Я знаю Имя Глашатая Бездны. Не титул, не прозвище. Настоящее Имя. То, которое даёт власть над ним.

Это была правда. Среди символов, вложенных Акашем в его разум, было одно слово, которое сияло ярче всех остальных. Оно было таким огромным и страшным, что Хосе боялся даже мысленно смотреть на него. Имя того, кто стоял за Глашатаем. Или, возможно, имя самого Глашатая. Он пока не разобрался.

Но эффект на Ловчего это произвело ошеломляющий. Тварь отпрянула, прижалась к земле, из её пасти вырвался звук, похожий на скулёрж.

— *Имя-Хозяина? Ты-знаешь-Имя?*

— Знаю, — соврал Хосе. — И я отдам его вам вместе с частью знания. В обмен на лица.

Ловчий колебался. Его красные глаза то вспыхивали, то гасли. Где-то на периферии сознания Хосе чувствовал, как тварь лихорадочно просчитывает варианты. С одной стороны — прямой приказ Глашатая: доставить знание любой ценой. С другой — возможность узнать Имя, которое даст им власть над самим хозяином. Для существ Бездны, лишённых души, но не лишённых амбиций, это был слишком лакомый кусок.

— *Докажи,* — проскрежетал Ловчий. — *Скажи-Имя. Тогда-отдадим-лица.*

— Нет, — Хосе покачал головой. — Сначала лица. Я кладу знание в бубен. Вы отдаёте лица. Я забираю лица — вы забираете бубен. Вместе с Именем. Размен у Разлома, где сама реальность подтвердит честность сделки.

Он указал на сияющую трещину позади себя. Разлом был идеальным местом для заключения договора — на границе миров любое слово обретало силу, а любая ложь становилась смертельно опасной. Ловчий знал это.

— *Согласен,* — выдохнул он после долгой паузы. — *Но-если-обманешь...*

— То Разлом поглотит меня раньше, чем вы успеете меня разорвать, — закончил Хосе. — Идём.

Он повернулся спиной к тварям — жест либо глупого, либо очень уверенного в себе человека — и начал спускаться к Разлому. За спиной он слышал мягкую поступь лап по камню. Гончие шли за ним.

Бубен в его руках едва заметно дрожал. Внутри него уже пульсировала частица знания — небольшой фрагмент, который Хосе вырвал из своего сознания и вложил в инструмент. Этого хватит, чтобы сделка выглядела настоящей. Что касается Имени... его он в бубен не вкладывал.

Потому что даже если бы он знал его наверняка, отдавать такую силу в лапы Бездны было бы безумием.

Он обманывал их. И если Разлом почует ложь...

— Риск — наше ремесло, — прошептал он слова Урха и ступил на край сияющей бездны.

Разлом ответил ему низким, утробным гулом.

Глава 7: Сделка

Это было первое, что ощутил Хосе, когда остановился в шаге от сияющей бездны. Земля под ногами не просто дрожала — она вздымалась и опадала, как грудь спящего великана. Воздух здесь был густым от просачивающейся из трещины энергии, и каждый вдох отдавался в лёгких странным покалыванием, по ощущениям будто он вдыхал не кислород, а крошечные осколки звёзд.

Разлом простирался в обе стороны до самого горизонта — извилистая, пульсирующая рана на теле мира. Его края светились всеми цветами, которые только можно вообразить, и некоторыми, которым не было названия. Глубина его была непостижима: Хосе видел, как клубится там, внизу, первозданный хаос — та самая субстанция, из которой духи творения когда-то вылепили реальность. Она была прекрасна. И она была смертельна.

Но самое страшное было не в этом.

Над Разломом, раскинув руки, висел человек. Или то, что когда-то было человеком. Его тело было полупрозрачным, сотканным из того же разноцветного света, что сочился из трещины. Одежды его — длинный балахон, расшитый символами древнее самого Акаша — колыхались в несуществующем ветре. Глаза его были закрыты, лицо безмятежно, но Хосе знал: это не сон. Это бдение.

— Страж Разлома, — прошептал он, и колени его сами собой подогнулись.

Это было существо из легенд. Не дух, не бог, не демон — нечто совершенно иное. Говорили, что когда-то Страж был шаманом, который вызвался добровольно стать замком на двери между мирами. Он отказался от жизни, от смерти, от перерождения — от всего, кроме своей бесконечной вахты. Никто не знал его имени. Никто не знал, сколько тысяч лет он здесь висит. Но каждый, кто приближался к Разлому, чувствовал его присутствие — тяжёлое, как взгляд самой вечности.

И сейчас этот взгляд был устремлён на Хосе.

— *Сделка*, — произнёс Страж, и голос его прозвучал не снаружи, а внутри — в самой сердцевине существа Хосе. — *На границе миров предложена сделка. Я — свидетель. Я — судья.*

Ловчий и две Гончие остановились в десяти шагах позади Хосе, не решаясь приблизиться к краю. Даже твари Бездны боялись Стража Разлома. Но отступать они не собирались — их красные глаза горели голодом и жадностью.

— *шаман предложил обмен*, — проскрежетал Ловчий. — *Три украденных лица в обмен на знание Первого Слова. И на Имя Хозяина.*

Страж медленно, величественно повернул голову. Его закрытые глаза, казалось, видели всё — каждую мысль, каждое намерение, каждую крупину лжи.

— *Это так, Хосе, сын Мары-травницы, ученик Урха-Без-Тела?*

Хосе сглотнул. Лгать под взглядом Стража было невозможно. Но и говорить правду означало умереть — либо от когтей Гончих, либо от потери лиц, которые они унесут Глашатаю.

— Это так, Страж, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Я предложил обмен. Три лица в обмен на знание. И на Имя.

— *Знание в бубне*, — подтвердил Страж, и Хосе похолодел: он не показывал бубен, но Страж уже знал. — *Частица мудрости Акаша, вырванная из твоей собственной души. Это подлинно.*

Ловчий издал довольный клёкот.

— *Но*, — продолжил Страж, и голос его стал на тон ниже, — *Имени в бубне нет.*

Повисла тишина. Такая глубокая, что Хосе слышал, как кровь пульсирует в висках.

— *Ложь?* — Ловчий оскалился всеми четырьмя створками пасти. — *Он солгал? Сделка расторгнута!*

Гончие прыгнули.

Но Страж поднял руку — медленное, плавное движение, от которого само время, казалось, загустело, как мёд. Твари замерли в воздухе, схваченные невидимой силой, их когти зависли в дюйме от горла Хосе.

— *Сделка не расторгнута, пока я не вынесу решение,* — произнёс Страж. — *Обвинение в обмане выдвинуто. Обвиняемый имеет право на защиту.*

Он повернулся к Хосе, и тот почувствовал, как его поднимает в воздух — мягко, но неумолимо, словно он стал пушинкой на ладони великана. Через мгновение он уже парил над Разломом, лицом к лицу со Стражем.

— *Говори, Хосе, Почему ты предложил то, чего не имеешь?*

В голове у Хосе пронеслась тысяча мыслей. Можно было солгать, сказать, что он собирався выучить Имя по дороге. Можно было молить о пощаде. Можно было попытаться сбежать — безнадежно, но хотя бы умереть в движении.

Он выбрал другое.

— Потому что они забрали лицо моей матери, — сказал он, и голос его зазвенел сталью. — Потому что они убили Каргу, Хранительницу Корней, которая никому не делала зла. Потому что их хозяин — Глашатай Бездны — хочет разорвать ткань мира и ввергнуть всё сущее в хаос. А я — всего лишь человек. У меня нет армии. У меня нет великой силы. У меня есть только мой ум, моё знание и моя готовность умереть, чтобы остановить их.

Он перевёл дыхание и посмотрел прямо в закрытые глаза Стража.

— Да, я солгал им. Я не знаю Имени Глашатая. Вернее, знаю, но не полностью — оно скрыто в моей памяти, и я пока не могу его достать, не уничтожив себя. Но я знаю достаточно, чтобы найти его. И когда я найду — я произнесу это Имя здесь, у Разлома, и запечатаю Бездну навсегда. В этом моя истинная сделка. Не с ними. С миром.

Страж молчал. Долго. Так долго, что Хосе начал думать, не обратился ли он в камень. Гончие всё так же висели в воздухе, застывшие, как насекомые в янтаре.

А потом Страж открыл глаза.

Это было невыносимо. Хосе закричал — но он не мог не кричать, потому что глаза Стража вмещали в себя всё: рождение галактик и их гибель, первый крик жизни и последний вздох смерти, все истины, когда-либо познанные, и все тайны, которые никогда не будут раскрыты. Он увидел себя со стороны — крошечную фигурку, стоящую на краю бездны, — и вдруг понял, насколько он мал. И насколько, одновременно, велик.

— *Твоя сделка,* — произнёс Страж, и каждое его слово впечатывалось в реальность, меняя её, — *принимается.*

— ЧТО?! — взревел Ловчий. — *Он солгал! Сделка ложна!*

— *Сделка была предложена не им,* — Страж перевёл взгляд на тварей, и те съёжились, словно от удара. — *Сделка была предложена мной. В тот момент, когда Урх-Без-Тела отдал свою жизнь за этого мальчика, он заключил со мной договор. Его жертва купила не только год отсрочки. Она купила право на один суд. И я этот суд провёл.*

Хосе замер. Урх. Даже мёртвый, даже испепелённый, старик продолжал плести свои интриги. Он знал, что Хосе придёт к Разлому. Знал, что Гончие будут преследовать его. И заранее, ценой своей жизни, обеспечил ему защиту.

— *Гончие Бездны,* — голос Стража загремел, и небо над Разломом потемнело, — *вы обвиняетесь в краже души с Древа Памяти. В убийстве Хранительницы Корней. В служении силе, стремящейся разрушить ткань мироздания. Ваш приговор — изгнание.*

Он взмахнул рукой.

Двух обычных Гончих разорвало в клочья — без крови, без крика, просто развеяло, как дым на ветру. Серебристые искры, которые они несли в пастях, вырвались на свободу и закружились в воздухе, прежде чем устремиться обратно к Костяным горам — домой, на Древо Памяти.

Ловчий остался. Он висел в воздухе, всё ещё скованный волей Стража, и его красные глаза горели ненавистью.

— *Ты, — Страж обратился к нему, — вернись к своему хозяину. Вернись с пустыми руками и с моим посланием.*

Он наклонился к Ловчему и прошептал что-то — тихо, но от этого шёпота содрогнулись Костяные горы. Что именно он сказал, Хосе не расслышал. Но Ловчий издал такой вопль ужаса, что камни под ногами пошли трещинами. А потом он исчез — просто провалился сквозь землю, словно его и не было.

Всё стихло.

Хосе всё ещё парил над Разломом, глядя на Стража, который снова закрыл глаза и, казалось, погрузился в свою вечную дремоту. Но одна деталь изменилась: в руке Стража появилось что-то маленькое, светящееся, серебристое.

— *Держи, —* сказал Страж, и лицо его — впервые за тысячелетия — тронула тень улыбки. — *Она ждала тебя.*

Искра поплыла к Хосе — медленно, торжественно. Он протянул ладонь, и она опустилась на неё, тёплая, как летний вечер, знакомая, как собственное сердцебиение.

Лицо матери.

Он посмотрел на него — не на отпечаток с Древа, а на живое лицо, которое на мгновение проступило в искре. Мара-травница улыбнулась ему. Впервые за пятнадцать лет он увидел её улыбку.

— *Она не может говорить, —* произнёс Страж. — *Она — только память. Но память — это тоже форма жизни. Храни её.*

Хосе прижал искру к груди, туда, где всё ещё саднила рана от когтей Гончей. И почувствовал, как холодная паутина яда Бездны, вьёвшаяся в его плоть, начала таять. Материнское тепло изгоняло тьму. Медленно, но верно.

— Спасибо, — прошептал он Стражу.

— *Не благодари. Твой путь только начинается.* Страж поднял голову к небу, которое уже начало светлеть — занимался рассвет. — *Ловчий доставит послание. Глашатай узнает, что ты — угроза. Он бросит против тебя всё, что у него есть. Тени, которые старшие гор. Шепоты, которые сводят с ума. И кое-что похуже.*

— Я готов, — сказал Хосе, хотя это было не совсем правдой.

— *Нет, —* Страж впервые посмотрел на него почти по-человечески. — *Ты не готов. Но у тебя нет выбора. А это почти одно и то же.*

Он начал таять — медленно растворяться в воздухе, возвращаясь в своё вечное бдение между мирами.

— *Когда найдёшь Имя, возвращайся к Разлому. Здесь ты произнесёшь его. И здесь закончится эта война. Или начнётся новая.*

Последние слова прозвучали уже как эхо, а потом Страж исчез, оставив Хосе одного на краю бездны.

Солнце поднималось над горизонтом, заливая пустошь золотым светом. Где-то вдалеке кричала одинокая птица — живая, настоящая, не имеющая отношения к духам. Хосе стоял, прижимая к сердцу искру, и чувствовал, как внутри него — в том потаённом чулане, куда Акаш вложил свои дары, — зажигается новое слово. На этот раз не украденное, не вырванное ценой боли. Своё.

Он ещё не знал, что оно значит. Но он знал, что это — начало.

Разлом позади него мягко гудел, словно напевая колыбельную. Или, может быть, боевой гимн.

Глава 8: Картографы

Он отошёл от Разлома на несколько миль, туда, где пустошь сменялась чахлым кустарником, а воздух переставал звенеть от остаточной энергии Стража. Здесь, в тени одинокого скального выступа, он рухнул на землю, прислонился спиной к нагретому камню и закрыл глаза.

Искра матери всё ещё пульсировала у его груди — он спрятал её в тот самый осколок кристалла Акаша, и теперь она мерцала там, как светлячок в банке. Живая. Тёплая. Родная.

— Я сделал это — прошептал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Я провёл их. Я выжил.

Ответа не было, но искра на мгновение вспыхнула ярче. Хосе позволил себе слабую улыбку.

Он вытащил из мешка бубен — тот самый, что был частью сорванной сделки, — и осмотрел его. Знание, которое он вложил в инструмент, всё ещё пульсировало внутри: фрагмент мудрости Акаша, вырванный из его собственной души. Теперь, когда Гончие были мертвы, а Ловчий изгнан, знание можно было вернуть обратно. Но Хосе колебался.

Что-то изменилось в нём самом. С тех пор как он вышел из пещеры Первого Слова, его сознание работало иначе. Он замечал детали, которые раньше ускользали: узоры ветра на песке, переключку духов в верхних слоях атмосферы, тонкую дрожь реальности там, где она была особенно тонкой. И сейчас, глядя на бубен, он увидел кое-что ещё.

Знание в бубне было не просто фрагментом. Оно было... маркером. Маяком.

— О нет, — прошептал он.

В тот же миг тени вокруг него начали сгущаться.

Это происходило незаметно, исподволь — просто солнечный свет стал чуть менее ярким, а пространство между кустарниками — чуть более глубоким. Потом из этих сгустившихся теней выступили фигуры. Пять. Десять. Двадцать.

Они были гуманоидными, но лишь отдалённо. Их тела состояли из чистой тьмы — не той живой тьмы подземелий, а другой, более холодной и расчётливой. У них были лица, но эти лица постоянно менялись: мужские, женские, старые, молодые, человеческие и не очень. Они перетекали одно в другое, как вода, не задерживаясь ни на одном облике дольше секунды. Одежды их напоминали длинные плащи с капюшонами, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно: это не одежда. Это их кожа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.